

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОНДОНА Д. ДЕФО И ПЕТЕРБУРГА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Плясункова Ксения

*Студентка 1 курса Университета Oriental направление «Родной язык и
литература: русский язык и литература»*

Туйчиева Д.Р

Научный руководитель Старший преподаватель Университета Oriental

Аннотация: *Город в литературе никогда не был просто декорацией. Это живой организм, дыхательный ритм которого определяет судьбы персонажей, диктует законы морали и формирует саму структуру сознания. В данном докладе мы обращаемся к двум фундаментальным моделям урбанистического пространства в мировой литературе: Лондону Даниэля Дефо (эпоха раннего капитализма и Просвещения) и Петербургу Федора Достоевского (эпоха кризиса реализма и экзистенциальных поисков). Именно в противопоставлении этих двух хронотопов выявляется глубинное различие между западноевропейским и русским типом культурного сознания.*

Ключевые слова: *урбанистическое пространство, городская среда, Лондон, Петербург, природа отчуждения, законы морали.*

ВВЕДЕНИЕ

Лондон для Дефо - это пространство внешней экспансии, где человек ищет себя через действие и накопление, а Петербург Достоевского - это пространство внутренней эволюции, где человек ищет себя через страдание и идею. Цель работы - проанализировать, как городская среда трансформируется в этих текстах из географического понятия в метафизическую категорию, становясь инструментом отчуждения или, парадоксальным образом, единственным путем к спасению.

Лондон Дефо: Лабиринт возможностей и анонимность как капитал. В прозе Даниэля Дефо, особенно в романах «Молль Флендерс», «Полковник Джек» и «Дневник чумного года», Лондон предстает как гигантский рынок, где продается и покупается не только товар, но и судьба. Уникальность дефоевского урбанизма заключается в его функциональности. Город здесь не давит на психику, он предлагает правила игры.

Пространство Лондона у Дефо горизонтально. Оно состоит из улиц, дорог, портов и торговых рядов. Это пространство движения. Герой Дефо никогда не стоит на месте; его статичность равносильна смерти или банкротству.

Отчуждение в этом контексте носит позитивный характер. Анонимность большого города позволяет человеку сбросить груз прошлого, сменить имя,

социальную маску и начать жизнь заново. Для Молль Флендерс Лондон - это камуфляж.

В толпе она растворяется, чтобы выжить. Здесь город выступает как защитная среда: он скрывает грехи, позволяет маневрировать между сословиями.

Важнейшей чертой лондонского пространства у Дефо является его проницаемость. Границы между частным и публичным, между законом и преступлением, размыты. Воровство в «Молль Флендерс» описывается с той же детализацией, что и торговые операции. Это свидетельствует о том, что для Дефо город - единый экономический механизм. Отчуждение человека здесь происходит не от Бога или совести (как позже будет у романтиков), а от конкретной социальной группы, чтобы интегрироваться в более широкую, безликую систему капитала. Поиск в Лондоне Дефо - это поиск материальной устойчивости. Герой ищет не истину, а место под солнцем. Пространство города картографируемо: его можно изучить, запомнить, использовать. Даже чума в «Дневнике чумного года» не превращает город в мистическую бездну, а становится статистической проблемой, которую можно измерить счетом умерших. Лондон Дефо рационален. Он холодный, но справедливый в своей безличности: он награждает предприимчивых и наказывает ленивых. Отчуждение здесь - цена за свободу личности от феодальных пут. Человек одинок, но это одиночество дает ему право на самоопределение.

Петербург Достоевского: Топография безумия и давящая вертикаль. Совершенно иную модель мы обнаруживаем в романах Федора Достоевского, прежде всего в «Преступлении и наказании» и «Белых ночах». Петербург здесь - не просто город, это антиутопия, воплощенная в граните и тумане. Если Лондон Дефо - это горизонталь дорог, то Петербург Достоевского - это мучительная вертикаль.

Пространство у Достоевского дробится на лестницы, чердаки, подвалы и узкие дворы-колодцы. Герой постоянно движется вверх или вниз, но никогда не движется «вперед» в смысле прогресса. Раскольников поднимается к старухе-процентщице как на эшафот, спускается к воде как к забвению. Это пространство замкнутое, клаустрофобное. Стены в петербургских комнатах «давят», воздух спертый. В отличие от вентиляционных улиц Лондона, где воздух свободен для торговли, петербургский воздух пропитан идеями, которые ферментируют, как в закрытом сосуде.

Отчуждение в Петербурге Достоевского носит онтологический характер. Герой отчужден не просто от общества, он отчужден от самой жизни, от почвы, от Бога. Город способствует этому разрыву. Петербург - город искусственный, «самый умышленный город», как писал сам Достоевский. Он оторван от национальной почвы, поэтому и человек в нем теряет почву под ногами. Здесь анонимность не спасает, а убивает.

В толпе петербургских улиц человек не растворяется безопасно, как у Дефо, он чувствует себя загнанным зверем. Толпа у Достоевского - это хаотическая масса, которая может случайно раздавить одиночку. Поиск в Петербурге направлен внутрь. Герой ищет не место в социальной иерархии, а ответ на вопрос «тварь я или дрожащее право имею». Городское пространство становится соучастником преступления или покаяния. Углы, пороги, лестничные площадки - это зоны пограничных состояний. В отличие от рационального Лондона, Петербург иррационален. Он может миражировать, как в «Белых ночах», где город превращается в сцену для фантазий мечтателя. Пространство здесь психологизируется: улица становится продолжением нервной системы героя. Если Лондон Дефо требует от человека адаптации, то Петербург Достоевского требует жертвы.

Сопоставление двух моделей позволяет выявить фундаментальные различия в восприятии города европейской и русской литературной традицией. Во-первых, вектор движения. В Лондоне Дефо движение центробежное. Герой стремится выйти за пределы города (в колонии, в новые торговые зоны) или завоевать город изнутри. Пространство расширяется вместе с амбициями героя. В Петербурге Достоевского движение центростремительное. Герой загоняется в угол, в каморку, в себя. Пространство сжимается, превращаясь в точку напряжения. Это отражает различие в исторических путях: Англия эпохи Дефо переживала экспансию империи, Россия эпохи Достоевского переживала кризис идентичности и раскол общества. Во-вторых, природа отчуждения. У Дефо отчуждение социально-экономическое. Человек одинок, потому что он конкурент. Но это одиночество преодолимо через успех. Деньги в Лондоне Дефо - универсальный язык, который соединяет людей. У Достоевского отчуждение духовно-нравственное. Человек одинок, потому что он носитель идеи, которая отделяет его от «обычных людей». Деньги в Петербурге Достоевского (например, деньги старухи-процентщицы) - это не ресурс, а символ зла, кровь на руках. Они не соединяют, а разделяют. В-третьих, роль случая. В Лондоне Дефо случай (удачная находка, встреча) - это элемент промысла или удача, которую можно капитализировать. В Петербурге Достоевского случай - это рок, знак судьбы, часто трагический. Встреча на улице может изменить жизнь необратимо, но не в лучшую сторону. Городская среда у Достоевского насыщена предчувствием катастрофы, тогда как у Дефо она насыщена предчувствием прибыли.

Особого внимания заслуживает трансформация образа порога. В архитектуре обоих городов порог важен, но функционально различен. Для героя Дефо порог магазина, дома или корабля - это точка перехода из одной экономической роли в другую. Переступив порог, ты становишься покупателем, хозяином, пассажиром. Это юридический акт.

Для героя Достоевского порог (двери квартиры старухи, вход в полицейский участок) - это метафизическая граница между жизнью и смертью, между грехом и наказанием. Раскольников долго стоит перед дверью, не решаясь переступить.

Этот момент «стояния на пороге» отсутствует у динамичных героев Дефо. Они врываются в пространство. Герой Достоевского колеблется, потому что пространство сакрально и опасно. Также интересна трансформация образа воды. Темза у Дефо - это артерия торговли, путь к богатству и бегству. Нева у Достоевского - это граница между мирами, место самоубийства (Свидригайлов) или очищения (Раскольников на берегу). Вода в Лондоне работает на человека, вода в Петербурге напоминает о стихийной силе, неподвластной разуму.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что образ города в европейской и русской литературе выполняет различные культурные функции. Лондон Даниэля Дефо стал архетипом города-машины, города-рынка, где отчуждение является необходимым условием личной свободы и экономического роста.

Это оптимистическая модель, верящая в силу человеческой воли преобразовать среду. Петербург Федора Достоевского стал архетипом города-лаборатории, где ставятся опасные эксперименты над человеческой душой. Здесь отчуждение ведет не к свободе, а к экзистенциальному тупику, из которого возможен выход только через нравственное возрождение. Это трагическая модель, показывающая пределы человеческой гордыни перед лицом высшей справедливости.

Обе модели остаются актуальными и в современной литературе. Современный мегаполис часто сочетает в себе черты обоих архетипов: он требует эффективности и адаптивности (как Лондон Дефо), но одновременно порождает глубокое чувство одиночества и потери смысла (как Петербург Достоевского). Изучение этих двух полюсов помогает понять, как пространство формирует нас: делаем ли мы город инструментом для достижения целей, или позволяем городу стать судьей нашей совести. В конечном счете, если Лондон Дефо учит нас выживать в системе, то Петербург Достоевского учит нас оставаться людьми внутри системы.

Это два разных ответа на вопрос о месте человека в урбанистической цивилизации, и диалог между ними продолжается уже три столетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дефо, Д. Дневник чумного года / Д. Дефо; пер. с англ. К. Н. Атаровой. - М.: АСТ, 2011. - 352 с.
2. Дефо, Д. Молль Флендерс / Д. Дефо; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. - М.: Художественная литература, 1970. - 400 с.

3. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. - Л.: Наука, 1972–1990. - Т. 6.

4. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. - Л.: Наука, 1972–1990. - Т. 5.

5. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература, 1975. - С. 121–290.

6. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург. - Тарту: ТГУ, 1984. - С. 30–45.